

Известия Спб. 08.09.1912

Незлобинскіе дебютанты.

У Незлобина для дебюта г-жъ Юреновой, Шиловской и г. Рудницкаго поставили „Снѣгъ“.

Боже мой, какъ мѣняются времена и мы вмѣстѣ съ ними...

Я помню первую постановку „Снѣга“ въ Москвѣ, когда пьесу привезла къ намъ В. Ф. Комиссаржевская.

Она играла Бронку, Еву играла г-жа Ратѣва, Тадеуша—г. Каширинъ и Казимира—Мурскій.

Спектакль вызвалъ самые горячіе споры и казался необыкновеннымъ, революціоннымъ, дерзновеннымъ...

А теперь мы уже ушли отъ „Снѣга“ и онъ гдѣ-то далеко, далеко.

Конечно, Шибышевскій остается Шибышевскимъ и все таки его пьесы полны меланхолическаго очарованія, полны изысканной польской тоски, которая близка намъ.

Но его ломаніе, сплошная гримаса все это теперь звенитъ очнь фальшиво...

„Снѣгъ“ и у Шибышевскаго не на первомъ мѣстѣ. Въ немъ нѣтъ страстности, нѣтъ „маляріи“, нѣтъ „пляски любви и смерти“.

Въ немъ символъ не рождается изъ человѣка, а наоборотъ.

Это въ сущности самая обычная исторія о сильномъ мужѣ, слабой женѣ и обольстительной разлучницѣ.

Авторъ старается сдѣлать изъ этой исторіи нѣчто чрезвычайно символическое, но тутъ уже начинается поза.

И снѣгъ и кормилица все таки остаются снѣгомъ и кормилицей и „полета въ космосъ“ тутъ не выходитъ.

Но, конечно и „Снѣгъ“—пьеса талантливая, волнущая, полная „тоски по тоскѣ“.

У Незлобина интересъ спектакля не въ пьесѣ, а въ исполнителяхъ...

По одной роли, да еще въ такой пьесѣ, какъ „Снѣгъ“ нельзя составить мнѣнія о г-жѣ Юреновой.

У нея интересная вѣщность, голосъ красивый, хотя къ нему надо привыкнуть.

Есть въ ней какая-то тайна очарованія. Прелестно выходятъ у артистки тихія, лирическія мѣста, ея радость свѣтла и проникновенна, есть грусть, есть изысканность.

Но нѣтъ глубины переживанія, пафосъ звучитъ дѣланно, нѣтъ захвата.

Есть отличное искусство, но трогать зрителя въ „Снѣгъ“ г-жѣ Юреновой не дано.

Мѣшаетъ нѣсколько странное произношеніе и расточительность жеста, движеній.

Но во всякомъ случаѣ впечатлѣніе очень интригующее и очень много общающее.

У г-жи Шиловской только одна поза и то дешевая. Страсть она иллюстрируетъ низкимъ, хриплымъ шепотомъ.

Фальшивую роль играетъ она очень фальшиво и отъ ея исполненія остается въ памяти только красивое платьѣ.

Г. Рудницкій дѣлаетъ не свое дѣло—у него нѣтъ силы, мощи конкистадора, онъ слишкомъ невзраченъ и мягокъ.

Я помню г. Рудницкаго еще въ Маломъ театрѣ—актеръ онъ отличный, у него и въ „Снѣгъ“ есть что-то значительное, затаенное, есть изящество, и не его вина что при такой трактовкѣ въ пьесѣ получается два Казимира.

Г. Аслановъ очень человѣчно играетъ Казимира. Онъ пріятно поразилъ меня—какихъ экспериментовъ не дѣлаютъ надъ этимъ артистомъ—онъ всегда выходитъ съ честью изъ положенія. Упрекнуть его можно развѣ въ томъ, что онъ слишкомъ опростилъ своего героя—должна быть разница между Шибышевскимъ и Новиковымъ.

Поставлена пьеса небрежно, въ оперной декорации, которая убиваетъ интимность и отвлекаетъ зрителя.

Это не нужно для „Снѣга“.

Тона исполнителей не согласованы: г-жу Помалову заставили говорить тѣмъ „талымъ звукомъ“, о которомъ рассказываетъ въ одной изъ своихъ сенокъ В. Ф. Лебедевъ.

Но дебюты г-жи Юреновой и г. Рудницкаго пріятно волнуютъ и заставляютъ съ нетерпѣніемъ ждать будущаго.

Ян. Лавровъ.